Научная статья

УДК 1(091) + 141.7 + 32.019.51 + 316.334.3

doi 10.15826/tetm.2021.2.015

«Метаистория» Х. Уайта и социальные условия исторической ответственности

Оксана Владимировна Головашина^{1, 2}

¹Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

²Томский государственный университет, Томск, Россия

ovgolovashina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения модели «Метаистории» Х. Уайта для анализа социальных условий исторической ответственности. Автор кратко представляет свою интерпретацию исторической ответственности, затем, с опорой на идеи П. Бурдьё и М. Фуко, обосновывает способность нарратива определять социальные практики. Демонстрируя риторические приемы, используемые акторами политики памяти и общественными активистами, автор показывает, что взгляды Уайта можно применить для анализа не только исторических текстов, но и исторической памяти, исторической ответственности.

Ключевые слова: историческая ответственность, политика памяти, Уайт, метаистория, дискурс

Для цитирования: Головашина О. В. «Метаистория» Х. Уайта и социальные условия исторической ответственности // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 2. С. 73–79. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.015>.

Благодарности: статья написана по результатам работ, поддержанных грантом Российского научного фонда № 19-18-00421.

Original article

H. White's "Metahistory" and the Social Conditions of Historical Responsibility

Oksana V. Golovashina^{1, 2}

¹Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

²Tomsk State University, Tomsk, Russia

ovgolovashina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the possibilities of applying the model of "Metahistory" by H. White to analyze the social conditions of historical responsibility. The author briefly presents his interpretation of historical responsibility, then, based on the ideas of P. Bourdieu and M. Foucault, substantiates the ability of the narrative to determine social practices. Showing the rhetorical techniques used by actors of memory politics and public activists, the author shows that White's views can be applied not only to the analysis of historical texts, but also to the historical memory of historical responsibility.

Keywords: historical responsibility, politics of memory, White, metahistory, discourse

© Головашина О. В., 2021

For citation: Golovashina, O. V. (2021). «Metaistoriya» Kh. Uaita i sotsial'nye usloviya istoricheskoi otvetstvennosti [H. White's "Metahistory" and the social conditions of historical responsibility]. *Tempus et Memoria*, 2, 2, 73–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.015>

Acknowledgments: The article was written based on the results of the work supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00421.

Трансформация исторического сознания, инверсия времени, рост внимания к использованию прошлого в политических целях диктуют необходимость научного исследования исторической ответственности.

Под исторической ответственностью в предлагаемой работе понимается вид политической ответственности (по Х. Арендт), которая заключается в присвоении личностью коллективной ответственности по отношению к действиям и событиям, связанными с деятельностью сообщества. Существенными чертами исторической ответственности в нашей трактовке являются следующие: 1) она распространяется только на структуры, выбор которых является сознательным: человек осуществляет выбор какого-либо сообщества и, оказываясь его частью, в дальнейшем отвечает за действия этого сообщества; 2) ответственность касается всех людей, связанных со структурой, однако степень этой ответственности коррелирует со степенью вовлеченности того или иного человека в сообщество и с его ролью в нем. Наша трактовка исторической ответственности, сохраняя интуицию свободного выбора, характерного для интерпретации личной ответственности И. Кантом, опирается на идеи структурной ответственности А. Янг, которую она разработала, используя идеи О. О'Нил и Р. Гудина [Young 2003; Young 2004; Young 2005].

Данная модель исторической ответственности позволяет нам трактовать историческую ответственность не как абстрактную этическую категорию, а в качестве отношений между субъектом и объектом ответственности, определяющее влияние на которые оказывают социальные практики. Однако эта модель требует дальнейших уточнений. В частности, проблему мы видим в том, каким образом социальные структуры создают субъект, который обладает всей степенью ответственности. Ключевым для разрешения этой проблемы оказывается вопрос

возможности социальных практик, конструирующих как субъекта ответственности, так и историческую ответственность как отношение. Практики предшествуют формированию субъекта, однако сама постановка вопроса о возможности практик предполагает, что этот вопрос уже должен кто-то задавать. Этот «кто-то» еще не является субъектом, но должна существовать определенная контингентность, в которой задается данный вопрос.

Понимая сложность поставленной проблемы, в этой статье мы предлагаем рассмотреть возможности нарратива определять различные виды социальных практик. Подобная постановка вопроса возможна с опорой на идеи М. Фуко и П. Бурдье.

М. Фуко подчеркивает, что дискурс не только непосредственно связан с употребляемыми словами, но и презентует определенные культурные смыслы, которые влияют на конструирование социальной реальности [Фуко]; речь выступает инструментом освоения окружающей действительности, а сама деятельность человека может быть, с определенными допущениями, сведена к дискурсивным (речевым) практикам. Дискурс, по Фуко, порождается социальными порядками, но может им противостоять, то есть влиять на формирование и проявление различных аспектов социального порядка. Однако если Фуко подчеркивает конкретно-историческое состояние дискурсивной среды [Там же, 47–96], то в нашей работе акцент будет сделан на том, как определенные виды дискурса влияют на эту среду и соответствующие социальные практики. Это не противоречит идеям французского философа, обращающего внимание на дискурс власти и способы управления дискурсом и через дискурс. Управление дискурсом делает человека объектом манипуляций, которые сам он не осознает, так как привычная дискурсивная среда воспринимается как естественная.

П. Бурдье исходит из того, что язык представляет собой социальный конструкт,

возникает и развивается как социальный феномен. Любое высказывание индивида определяется социальным контекстом и социальными структурами, к которым конкретный индивид принадлежит. У Бурдьё этот тезис носит прежде всего эпистемологический характер, позволяя по высказываниям субъекта анализировать различные аспекты функционирования социальных структур, однако если мы подчеркиваем тезис о том, что социальные практики могут быть обусловлены языковыми конструкциями, то можем сделать вывод, что не только язык представляет собой продукт социального взаимодействия индивидов [Bourdieu, 135], но и это взаимодействие определяется языком.

То есть языковые, в том числе нарративные, практики осуществляются в определенном языковом поле и детерминированы этим полем. С опорой на М. Фуко и П. Бурдьё мы подчеркиваем, с одной стороны, историческую и социальную обусловленность дискурса, с другой, что особо ценно для наших дальнейших выводов, способность дискурса детерминировать социальные практики и действия индивидов и сообществ.

Этот промежуточный вывод позволяет нам сделать следующий шаг. Так как мы исходим из того, что субъекта исторической ответственности формируют социальные условия, наши дальнейшие рассуждения будут связаны с этим полем. Представления о прошлом, определяющие образы исторической ответственности, зависят от двух основных направлений — исторической политики и гражданской активности индивидов. Оставив за скобками различные факторы, влияющие на эти выделенные нами направления, мы в предлагаемой работе сконцентрируем внимание на том, что социальная активность (государства или граждан, в данный момент неважно) по отношению к прошлому подчиняется основным закономерностям, по которым это прошлое воспринимается нашим сознанием. Действия активиста, выступающего за сохранение дома, относящегося к объектам культурного наследия муниципального уровня, или депутата, который вносит в Думу очередной мемориальный закон, или выпускницы истфака, которая копается в архивах для воссоздания прошлого своей семьи, или президента, преклонившего колено у монумента жертвам, подчиняются

некоторым одинаковым правилам. Эти правила, на наш взгляд, позволяют прояснить некоторые соображения, высказанные Х. Уайтом в его работе «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века». Несмотря на серьезную критику и дискуссию вокруг этой книги [Доманска; Кукарцева; Hunter 2006; Hunter 2014], мы считаем ряд положений этой работы актуальными и вполне применимыми для анализа современной ситуации.

В своей работе Х. Уайт доказывает, что историческое повествование строится по законам художественного текста, а известный набор сюжетов определяет направление исторического нарратива. Следствием этого выбора оказываются способ аргументации и идеологическое настроение повествования. Как и другие представители нарративного поворота, Уайт настаивает на сконструированности исторического факта, то есть важным, с его точки зрения, оказывается не то, что было, а каким образом то, что было, встраивается в существующий нарратив, который, в свою очередь, начинает определять восприятие событий и их трактовок. Интерпретация оказывается доминирующей над репрезентацией, идеологическая позиция автора выступает функцией от подтекста в структуре нарратива. Определяющим для восприятия исторических событий оказывается язык, который предлагает готовые риторические фигуры и объяснительные модели, а история, таким образом, может трактоваться как «лингвистическое образование».

Для решения задач, поставленных в данной статье, нас интересует предлагаемая Уайтом трактовка возможности доступа к прошлому только через культурно обусловленный рассказ об этом прошлом. События не существуют сами по себе, а встроены в определенный нарратив, содержание которого зависит не столько от «реально» произошедшего, сколько от повествовательной оптики, определяющей рассказ, а следовательно, от восприятия этого произошедшего. Эти идеи характерны и для других представителей нарративного поворота. Оригинальность Уайта в том, что он не просто показал обусловленность исторических фактов языком, а обосновал, чем конкретно определяется эта интерпретация. Однако, несмотря на то что содержание работы находилось в русле лингвистического поворота, Уайт подчеркивает

необходимость ответственности историка перед будущим и важность исторического сознания для конструирования этого будущего. Постмодернистский релятивизм Уайта не противоречит важности морального измерения истории: «На каких других основаниях может быть заключено повествование о реальных событиях?.. В чем еще может состоять завершение повествования, как не в переходе от одного морального порядка к другому?» [White, 25].

Таким образом, если мы вспомним высказанные выше суждения о детерминированности социальных практик и социального контекста нарративом и дискурсом, история оказывается не только определенным видом повествования, но и сценарием для действующих актеров (акторов). Метафора, метонимия, синекдоха, ирония существуют не только в литературных (и исторических, как показал Уайт) текстах, но и в буклетах туристических агентств, обещающих погружение в прошлое, в высказываниях политиков, дискуссиях на тематических форумах. Их употребление не выходит за рамки риторических фигур, а выступает как определенная модель действий для участников, читателей, свидетелей. Не только в научных работах, «когда преобладает одно конкретное повествование, грязную работу неизменно выполняет “риторика”, а не доказательства и логика, которые в любом случае являются просто ловкими языковыми обозначениями для одного вида риторической стратегии» [Levitt, 267]; подобное можно встретить в публичных выступлениях политических, общественных лидеров, активистов и интересующихся собственной генеалогией. Таким образом, применительно к исторической политике, как и к историческим текстам, риторика зачастую занимает роль теории. В процессе реализации различных коммеморативных мероприятий, акций участников (как историки — своих читателей) убеждают, какое именно восприятие тех или иных событий правильное и объективное.

Уайт не претендует на то, чтобы рассказать, что такое язык, но пишет, как он работает. Если рассматривать через оптику, предлагаемую Уайтом, историческую политику, то мы можем трактовать ее как своеобразный рассказ об истории, определяющий необходимое акторам конструирование и, следовательно,

восприятие тех или иных исторических фактов. «Доминантный троп, в котором этот конституирующий акт доводится до конца, будет определять и виды объектов, которым позволено появляться в этом поле в качестве данных, и возможные отношения, которые, как предполагается, существуют между ними» [Уайт, 495–496]. Весь нарратив российской истории можно охарактеризовать как героический роман; отражение подобной поэтики мы находим в речах политиков, во время государственных праздников, торжественных коммеморативных мероприятий. Именно оптика романа как специфического типа повествования, определяет возможность нарратива влиять на социальные условия, обеспечивающие формирование субъекта исторической ответственности.

Идеи Уайта вызвали обвинение его в «безграничном релятивизме» [Colob, 65], так как за стратегиями интерпретации и используемыми историками в процессе конструирования риторическими ходами теряется прошлое само по себе. Политика памяти также предполагает определенное конструирование, а «самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего» [Бурдые, 79]. Не важно событие само по себе, важно, какой нарратив диктует интерпретацию этого события. Историческая политика предлагает готовые дискурсивные практики для восприятия и интерпретации тех или иных событий, однако эти практики также ограничены. Актеры политики памяти выбирают не любую интерпретацию, так как сами также находятся в поле существующих сюжетов. Поэтому мы имеем дело с трактовкой Великой Отечественной войны как трагедии, героическим романом об успехах советской индустриализации, сатирическими трактовками 1990-х. Вряд ли кто-то из публичных политиков или общественных деятелей, выступающих на исторические темы, читал Уайта, но относятся к историческим фактам зачастую как к «событиям в процессе описания», то есть их содержание определяется контекстом. Предлагаемые художественные

выразительные техники не обязательно ведут за собой искажение фактов, но выстраиваемый нарратив предопределяет их восприятие.

Однако сама историческая политика, в свою очередь, также определяется сложившимися риторическими фигурами и объяснительными моделями. Например, современные войны памяти, на которые оказали влияние масштабное празднование Россией 60-летнего юбилея Победы, развитие национального самосознания в молодых республиках и популяризация нарратива о двух тоталитаризмах, ведутся с использованием военных метафор; дальнейшее развитие институционального аспекта мемориальных войн может свидетельствовать о том, что они перестают быть просто метафорой, а оказываются действующим объектом современного пространства работы с прошлым. Речь идет уже не об исторических фактах, а об их зачастую моральных оценках, историческая достоверность оказывается заменена рассуждениями о «правде» и «справедливости» [Бордюгов; Герасимчик; Колодий; Можно ли остановить...]. Эта ситуация оказывается вполне созвучной той, которую описывал Уайт: «Если же возникает вопрос о выборе между этими альтернативными воззрениями на историю, единственными основаниями для предпочтения одного другому являются моральные или эстетические основания» [Фуко, 499].

Риторика и поэтика истории проявляются, на наш взгляд, не только в научных текстах, но и в действиях гражданских активистов. Однако ситуация осложняется тем, что гражданские активисты, отстаивающие необходимость сохранения объектов культурного наследия или открывающие частный музей тех же 90-х (трагуемых уже в качестве, например, трагедии, а не сатиры), оказываются под воздействием не только сложившихся художественных сюжетов, но и интерпретаций, предлагаемых акторами исторической политики. Например, граждане протестуют против изображения Скорбящей матери в г. Рассказово Тамбовской области, образ которой не согласуется со сложившимися у них представлениями [Жителей Рассказово...; На Тамбовщине...]. Добиваясь демонтажа стелы, граждане показывают свою независимость и активность, однако дискурс их выступлений («безумное надругательство и над Победой, и над материнством,

и над светлой памятью», «памятники такого рода должны быть величественными и фундаментальными, чтобы, глядя на памятник, чувствовалась вся мощь великой страны, победившей фашизм», «авангардизм в таком деле неуместен») определен содержанием учебников истории и советских героических фильмов, а сами действия можно объяснить несоответствием трагического образа Скорбящей матери советского героическому нарративу о Великой Отечественной войне.

В соответствии с идеями Уайта объективному историческому процессу противостоят различные «истории». И если Уайт предлагал свою модель для понимания так называемой «метаистории», то мы предлагаем расширить возможности применения его модели, так как локальные интерпретации, на наш взгляд, подчиняются тем же законам, что и описания событий историками. Дело не только в том, что локальные активисты, отстаивающие свою версию «исторической правды», как это было со стелой Скорбящей матери и регулярно происходит с другими местами памяти, выступают как носители федерального исторического нарратива, но и в том, что в каком-либо городе, деревне, регионе может осуществляться та же трагедия или ирония истории. Активисты оказываются связанными теми же дискурсивными стратегиями и риторическими фигурами, что и политические и общественные деятели или историки.

Риторика и поэтика исторического повествования таким образом оказывается перформативной. Она детерминирует действия тех, кто, как он (они) думает, использует ее в своих целях.

Таким образом, социальные условия, определяющие практики исторической ответственности, определяются сложившимися риторическими фигурами. Обращение к исторической ответственности, как правило, связано с риторикой романа и соответственно использованием метафоры в историческом повествовании. Это доказывает обращение к метафорам и соответствующим риторическим фигурам акторов политической ответственности и гражданских активистов. Востребованным является анализ конкретных практик и выделение моделей этого обращения с опорой на предлагаемую Х. Уайтом исследовательскую оптику.

Список источников

- Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011.
- Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007.
- Герасимчик В. «Война памяти»: Как изменилось восприятие общей истории гражданами постсоветских стран // Евразия-эксперт. 2018. URL: <https://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-vospriyatie-obshchey-istorii-grazhdanami-postsovetskikh-stran/> (дата обращения: 19.10.2020).
- Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 198–235.
- Жителей Рассказово пугает стела «Скорбящая мать» // Информационное агентство «Онлайн Тамбов.ру» : [сайт]. 08.08.2015. URL: <https://goo.gl/N6LNgj> (дата обращения: 11.03.2021).
- Колодий Н. А. Лабиринт памяти — места памяти — война памяти: опыт истолкования // Вестн. наук Сибири. 2013. № 1 (7). С. 240–245.
- Кукарцева М. А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. 2008. М., 2008. С. 8–34.
- Можно ли остановить «войну памятников» в Европе // РИА Новости. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20071102/86273530.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- На Тамбовщине вместо «скорбящей матери» скульптур изобразил привидение // Конт : [сайт]. 09.11.2015. URL: <https://goo.gl/hPb54q> (дата обращения: 11.03.2021).
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996.
- Bourdieu P. In Other Words: Essays Towards Reflexive Sociology. Stanford : Stanford University Press, 1990.
- Colob E. The Irony of Nihilism // History and Theory. 1980. Vol. 19 (4). P. 55–65.
- Hunter I. Hayden White's Philosophical History // New Literary History. 2014. Vol. 45, № 3. P. 331–358.
- Hunter I. The History of Theory // Critical Inquiry. 2006. Vol. 33, № 1. P. 78–112.
- Levitt N. The Colonization of the Past and the Archeology of the Future // Fagan G. Archaeological Fantasies: How Pseudoarchaeology Misrepresents the Past. London ; New York : Routledge, 2006. P. 259–286.
- White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7, № 1. P. 5–27.
- Young I. M. Political Responsibility and Structural Justice // The Lindley Lecture. 2003. Vol. 41. URL: <https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/12416/Political%20Responsibility%20and%20Structural%20Injustice-2003.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (mode of access: 04.09.2020).
- Young I. M. Responsibility and Global Justice: A Social Connection Model // Anales de la Cátedra Francisco Suárez. 2005. № 39. P. 709–726.
- Young I. M. Responsibility and Global Labor Justice // The Journal of Political Philosophy. 2004. Vol. 12, № 4. P. 365–388.

References

- Bordjugov, G. A. (2011). «*Vojny pamjati*» na postsovetskom prostranstve [“Memory wars” in the Post-Soviet Space]. Moskva: AIRO-HHI.
- Bourdieu, P. (1990). *In Other Words: Essays Towards Reflexive Sociology*. Stanford: Stanford University Press.
- Burd'e, P. (2007). *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moskva: Institut jeksperimental'noj sociologii; Sankt-Peterburg: Aletejjja.
- Colob, E. (1980). The Irony of Nihilism. *History and Theory*. 19 (4), 55–65.
- Domanska, Je. (2010). *Filosofija istorii posle postmodernizma* [Philosophy of History after Postmodernism]. Moskva: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 198–235.
- Fuko, M. (1996). *Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge]. Moskva: Kastaľ.
- Gerashimchik, V. (2018). «*Vojna pamjati*». Kak izmenilos' vospriyatie obshhej istorii grazhdanami postsovetskikh stran [“War of Memory”. How Has the Perception of Shared History Changed Among Citizens of Post-Soviet Countries]. *Evracija-jekspert*. URL: <https://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-vospriyatie-obshchey-istorii-grazhdanami-postsovetskikh-stran/> (mode of access: 19.10.2020).
- Hunter, I. (2006). The History of Theory. *Critical Inquiry*. 33 (1), 78–112.
- Hunter, I. (2014). Hayden White's Philosophical History. *New Literary History*. 45 (3), 331–358.
- Kolodii, N. A. (2013). Labirint pamyati — mesta pamyati — voyna pamyati: opyt istolkovaniya [Labyrinth of Memory — Places of Memory — War of Memory: Experience of Interpretation]. *Vestnik nauk Sibiri*, 1 (7), 240–245.
- Kukarceva, M. A. (2008). Hejden Uajt i praktika istoricheskikh issledovanij XX veka [Hayden White and the Practice of Twentieth-century Historical Research]. *Dialog so vremenem*. Moskva, 8–34.
- Levitt, N. (2006). The Colonization of the Past and the Archeology of the Future. In Fagan G. (ed). *Archaeological Fantasies: How Pseudoarchaeology Misrepresents the Past*. London; New York: Routledge, 259–286.
- Mozhno li ostanovit' “voynu pamyatnikov” v Evrope [Can the “War of Monuments” in Europe be Stopped]. *RIA Novosti*. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20071102/86273530.html> (mode of access: 19.10.2020).
- Na Tambovshhine vmesto «skorbjashhej materi» skul'ptur izobrazil privedenie [In the Tambov Region, instead of the “Grieving Mother” Sculptures Depicted a Ghost]. *Kont*. 09.11.2015. URL: <https://goo.gl/hPb54q> (mode of access: 11.03.2021).
- Uajt, X. (2000). *Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

White, H. (1980). The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*, 7 (1), 5–27.

Young, I. M. (2003). Political Responsibility and Structural Justice. *The Lindley Lecture*, 41. URL: <https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/12416/Political%20Responsibility%20and%20Structural%20Injustice-2003.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (mode of access: 04.09.2020).

Young, I. M. (2004). Responsibility and Global Labor Justice. *The Journal of Political Philosophy*, 12 (4), 365–388.

Young, I. M. (2005). Responsibility and Global Justice: A Social Connection Model. *Anales de la Cátedra Francisco Suárez*, 39, 709–726.

Zhitelej Rasskazovo pugaet stela «Skorbjashhaja mat'» [Residents of Rasskazovo are Frightened by the “Grieving Mother” Stele]. *Informacionnoe agentstvo “Onlajn Tambov.ru”*. 08.08.2015. URL: <https://goo.gl/N6LNgj> (mode of access: 11.03.2021).

Сведения об авторе

Головашина Оксана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Oksana V. Golovashina, Doct. Sci. (Philosophy), Leading Research Fellow at of the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021;
принята к публикации 15.09.2021

The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 31.08.2021;
accepted for publication 15.09.2021